

БРАК, МОНАШЕСТВО, ЦЕРКОВЬ

Монашеский постриг наместницы

29/16 апреля 2006 года, накануне Фоминой недели в Синодальном Храме Истинно Православной Церкви состоялся монашеский постриг, который совершил Святейший Митрополит Рафаил. Новопостриженная монахиня, матушка Иоанна, будет нести нелегкое послушание наместницы Денежниковского Ставропигиального Женского Свято-Иоанно-Предтеченского монастыря, Священноархимандритом которого является Святейший Митрополит Рафаил.

Матушка Иоанна на протяжении многих лет усердно служит ИПЦ, и не случайно столь серьезный выбор пал именно на нее. Насельницы монастыря уповают на то, что матушка обладает незаурядным организаторским талантом, с помощью Божией будет заботиться о обители и привлекать в нее, все больше и больше сестер, для богоугодной иноческой жизни.

Насельницы обители несут с верой и чистой совестью, с полным прилежанием возлагаемые на них послушания, чтобы получить воздаяние за труды от Господа и Спаса нашего Иисуса Христа.

Священник Николай Городничев

Митрополит Антоний Сурожский

Ничего в Церкви не может быть существенного, выражющего ее сущность, что не было бы одновременно выражением всей жизни церковной, то есть не только умозрительной и каждодневной жизни, делания и человеческого творчества. И вот, брак и монашество являются двумя аспектами церковной природы, церковной сущности. Брак и монашество не являются в церковном опыте просто образом жизни, какой выбирают одни или другие люди; брак и монашество являются как бы двумя сторонами, двумя выражениями, исчерпывающими собою, с определенной точки зрения, природу Церкви.

Если вы вчитываетесь в Ветхий, да и в Новый Завет, особенно в книгу Откровения, вы увидите, что образ брака является образом полноты жизни, завершенности, совершенства жизни. Брак представляется в этом отношении всеночней победой любви, то есть предельным торжеством Бога; но не над человеком: Бог над человеком не торжествует, - а торжеством Бога в самом человеке, осуществлением всей полноты и Божественной, и человеческой жизни. Ветхий Завет нам дает множество образов полноты, счастья, радости, блаженства в картинах брачной любви; а в Новом Завете, в книге Откровения, говорится о браке Агнца, о том соединении в любви - любви уже нерасторжимой, любви и победившей, и победоносной, которая соединяет всю тварь с Богом.

И поэтому брак выражает собой нечто, что является сущностью церковной жизни: это чудо того, что Бог так возлюбил мир, что Своего Сына Единородного дал, чтобы мир был спасен (Ин. 3, 16), чтобы мир обрел такую бездонную глубину, измерением которой является Сам Бог, и только Бог.

А с другой стороны, Церковь выражается также образом Невесты Агнца. Вы, наверное, помните это выражение; некоторым оно кажется странным, почти мифологическим, почти сказочным. Что значит "невеста Агнца"? Невеста - та, что сумела так полюбить, с такой цельностью, с такой неразделенностью полюбить, что она может последовать за любимым на край света, последовать за ним и в радость и в горе, быть, где бы он ни оказался. Агнец же в выражении "невеста Агнца" - это Агнец заколения, тот Агнецо Котором провозглашал святой Иоанн Креститель, когда увидел Христа: Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира (Ин. 1, 29); тот Агнец, Который в 52-53 главах пророчества Исаии назван Мужем скорбей. В конечном итоге, это Сын Божий, ставший сыном человеческим в действии Воплощения, которое Его сделало одним из нас, брачной любовью Божией к твари.

Но путь Агнца - это крестный путь; Муж скорбей, Христос, Агнец, о Котором говорит Ветхий Завет, предназначен к тому, чтобы Свою жизнь отдать - отдать свободно, отдать по любви для того мира, для той твари, которую так возлюбил Бог, что отдал Еgo для спасения этой твари. А Невеста Агнца - это тварь, отвечающая на любовь Божию - любовью; любовью, готовой разделить с Богом воплотившимся, вошедшем в мир для смерти, и смерти крестной, всю Его земную судьбу.

В этом смысле в Церкви есть два стр.2 совершенно различных аспекта. Она - чудо

встречи Бога и человека, всей твари с Богом; она - чудо и ликовование о том, что Бог так бесконечно близок и стал таким родным, таким своим... Один из Отцов Церкви говорит, что слово Бог гораздо менее значительно для нас, чем слово Отец, ибо слово Бог означает различие между нами и Им, слово Отец подчеркивает родство: мы - дети Его, мы Ему родные, мы Ему свои; и это чудо Божией любви, которая нам дана и на которую мы можем ликиующе, радуясь, ответить, есть уже уже умирающему ростку. И эта жизнь пробивается, пробивается упорно, настойчиво, бежит по тонким сосудам этой дикой веточки, проникает в самые отдаленные места, пробивается в самую глубину каждой клеточки; и везде она несет жизнь, так что оживает все, что только способно жить; она не вытесняет природную особенность этой веточки, она всему дает новую силу жизни.

И веточка начинает жить, потому что она - на живоносном стволе; жить своей жизнью и вместе с той жизнью, которая ее во всем превосходит. Это апостол Павел называл: не я живу, а живет во мне Христос (Гал. 2, 20). Разливается жизнь Божественная, вечная, непреодолимая, неумирающая жизнь и заменяет собой временну, хрупкую, неустойчивую; и веточка делается самой собой, достигает своей красоты, расцветает. Христос, согласно 15-й главе Евангелия от Иоанна, говорит о нас как о веточках на виноградной лозе: пока пребудете во Мне, приносите плод...

Это соединение со Христом и есть условие нашей жизни, и это соединение так же крепко, так же совершенено между человеческой жизнью и душой и Спасителем, каково соединение дикой веточки с живоносным древом. Тогда делается понятно, каким образом Христос может сказать: Как Меня послал Отец, Я вас посыпаю, - потому что мы и Он в каком-то отношении теперь стали одно. Та же жизнь быть ключом и в наси в Нем. Если мы ее отдадим, прольем, истощим, это будет Божественная жизнь и кровь. И все, что было в истории правды о Христе, должно неминуемо стать правдой о нас; как Отец возлюбил мир и отдал Своего Божия, облеченные в славу, в красоту, глубокими. А окружающие видят порой только трудности, напряжение в этой семье, слышат спор и не понимают, что за ним стоит такая глубокая, сильная любовь, что только потому возможен этот спор, это бурное, мучительное становление, что есть эта ничем неколебимая любовь.

И вместе с тем, именно Церковь, когда мы ехали так переживаем, так понимаем, является предметом нашей веры, а не просто нашего знания, потому что в Церкви бросается в глаза - потому что мы и Он в каком-то отношении теперь стали одно. Та же жизнь быть ключом и в наси в Нем. Если мы ее отдадим, прольем, истощим, это будет Божественная жизнь и кровь. И все, что было в истории правды о Христе, должно неминуемо стать правдой о нас; как Отец возлюбил мир и отдал Своего Божия, облеченные в славу, в красоту, глубокими. А окружающие видят порой только трудности, напряжение в этой семье, слышат спор и не понимают, что за ним стоит такая глубокая, сильная любовь, что только потому возможен этот спор, это бурное, мучительное становление, что есть эта ничем неколебимая любовь.

Это мы видим в Ветхом Завете между человечеством и Богом; мы видим постоянно спор между Богом и человеком, мы видим, что минутами делается темно и тогда в этой темноте сплетаются в мучительной борьбе Иаков и Ангел Божий. И пока темно, эта битва будет продолжаться и будет преодолеваться то Ангел - то грешник, то Бог - то человек. Но в этом сплетении сил, в этом противостоянии, в этом борении происходит нечто очень глубокое, потому что, когда рассветает, Иаков поднимает глаза и узнает, что он всю ночь боролся с Ангелом, и кланяется ему в землю, и просит его благословения (Быт. 32, 24 и ел.).

И это выражение со Христом, это наше единение

с Ним - каждого из нас, как члена тела по отношению к самому телу (это опять-таки образ апостола Павла) так тесно и так глубоко, что оно делает нас друг по отношению к другу одним телом, единым каким-то существом, всецелым человеком или человечеством, тем, что Священное Писание называет Новым Adamom:

просто человеком, обновленным через соединение со Христом. Святой Ириней Лионский, размышляя над тем, как тесно, как неразлучно мы связаны со Христом, говорит, что если действительно мы так едины с Ним, то уже нельзя сказать, что есть Единородный Сын Божий и дети Божии по какому-то приобщению; он говорит, что через наше единство с Единородным мы делаемся все вместе, как новое человечество, как Церковь, единородных сынов Божиих.

Опять-таки, это - торжество любви, которая стирает все преграды, делает неравных равными, соединяет за пределами всякого воображения любящих и любимых. И если мы действительно любим Бога любовью Христовой, то мы можем следовать за Агнцем, как невеста, с Ним войти в область смерти, в область страдания, в область греха, в область богооставленности, сойти в глубины и в самые мрачные тайники человеческого ада и внести в них, как Христос это сделал, свет, жизнь и победу любви.

И вот, в Церкви брак и монашество являются выражением этого сложного сочетания уже одержанной победы и испытанного торжества любви - и того крестного пути, который должен привести когда-то весь мир в Царство Божие. Если вы вдумаетесь, основные черты взаимного отношения брака и монашества, вы увидите, что в них очень много сходства. Первый обет, который дает монах при пострижении, первый ответ на вопрос постригающего: Обязуешься ли ты пребывать в этом братстве до твоей смерти? - воспринимается обычно, согласно практике и опыту Церкви, как обязательство, вступив в братство, его не покидать, вступив в монастырь, из него не выходить. Но за этим стоит, конечно, гораздо больше; за этим стоит верность и устойчивость, верность первой или окончательной своей любви и устойчивость, то есть готовность, каковы бы ни были обстоятельства, несмотря на напор всех враждебных сил, оставаться лицом к лицу с теми, кого выбрала наша любовь. Эта устойчивость для монаха значит, что он будет стоять перед лицом Божиим, каково бы ни было его настроение, каковы бы ни были

от ее корня. Он отрывает ее от временного источника временной, преходящей жизни; и вырванная из своей среды, отделенная от своих корней, эта веточка чувствует, что течет из нее жизнь, что только смерть ей остается. Но садовник произвел надрез на ветке живоносного дерева, и рану к ране он приложил умирающую веточку к живоносному стволу; рана к ране, кровью, жизнью своей это живоносное дерево должно вернуть жизнь умирающему ростку. И эта жизнь пробивается, пробивается упорно, настойчиво, бежит по тонким сосудам этой дикой веточки, проникает в самые отдаленные места, пробивается в самую глубину каждой клеточки; и везде она несет жизнь, так что оживает все, что только способно жить; она не вытесняет природную особенность этой веточки, она всему дает новую силу жизни.

И веточка начинает жить, потому что она - на живоносном стволе; жить своей жизнью и вместе с той жизнью, которая ее во всем превосходит. Это апостол Павел называл: не я живу, а живет во мне Христос (Гал. 2, 20). Разливается жизнь Божественная, вечная, непреодолимая, неумирающая жизнь и заменяет собой самой собой, достигает своей красоты, расцветает. Христос, согласно 15-й главе Евангелия от Иоанна, говорит о нас как о веточках на виноградной лозе: пока пребудете во Мне, приносите плод...

Это соединение со Христом и есть условие нашей жизни, и это соединение так же крепко, так же совершенено между человеческой жизнью и душой и Спасителем, каково соединение дикой веточки с живоносным древом. Тогда делается понятно, каким образом Христос может сказать: Как Меня послал Отец, Я вас посыпаю, - потому что мы и Он в каком-то отношении теперь стали одно. Та же жизнь быть ключом и в наси в Нем. Если мы ее отдадим, прольем, истощим, это будет Божественная жизнь и кровь. И все, что было в истории правды о Христе, должно неминуемо стать правдой о нас; как Отец возлюбил мир и отдал Своего Божия, облеченные в славу, в красоту, глубокими. А окружающие видят порой только трудности, напряжение в этой семье, слышат спор и не понимают, что за ним стоит такая глубокая, сильная любовь, что только потому возможен этот спор, это бурное, мучительное становление, что есть эта ничем неколебимая любовь.

И вместе с тем, именно Церковь, когда мы ехали так переживаем, так понимаем, является предметом нашей веры, а не просто нашего знания, потому что в Церкви бросается в глаза - потому что мы и Он в каком-то отношении теперь стали одно. Та же жизнь быть ключом и в наси в Нем. Если мы ее отдадим, прольем, истощим, это будет Божественная жизнь и кровь. И все, что было в истории правды о Христе, должно неминуемо стать правдой о нас; как Отец возлюбил мир и отдал Своего Божия, облеченные в славу, в красоту, глубокими. А окружающие видят порой только трудности, напряжение в этой семье, слышат спор и не понимают, что за ним стоит такая глубокая, сильная любовь, что только потому возможен этот спор, это бурное, мучительное становление, что есть эта ничем неколебимая любовь.

И это соединение со Христом, это наше единение с Ним - каждого из нас, как члена тела по отношению к самому телу (это опять-таки образ апостола Павла) так тесно и так глубоко, что все, что о Нем можно сказать, можно сказать и о нас? Любовь, любовь... И мы знаем, что это возможно. Мы говорим о смерти и жизни. Если мы кого-нибудь любим большой, крепкой, простой человеческой любовью, то его жизнь делается нашей жизнью; что с ним случается - для нас важнее, чем то, что случается с нами; он или она - в центре нашей жизни. Так было с апостолами по отношению ко Христу: постепенно, через любовь, через веру Он стал для них самой Жизнью, потому что их любовь была такова, их вера в Него была такова, что изменила Ее из жизни - осталась только существование, но жизни не было бы только существование, но жизни не было бы только существование.

И это соединение наше со Христом, это наше единение с Ним - каждого из нас, как члена тела по отношению к самому телу (это опять-таки образ апостола Павла) так тесно и так глубоко, что все, что о Нем можно сказать, можно сказать и о нас? Любовь, любовь... И мы знаем, что это возможно. Мы говорим о смерти и жизни. Если мы кого-нибудь любим большой, крепкой, простой человеческой любовью, то его жизнь делается нашей жизнью; что с ним случается - для нас важнее, чем то, что случается с нами; он или она - в центре нашей жизни. Так было с апостолами по отношению ко Христу: постепенно, через любовь, через веру Он стал для них самой Жизнью, потому что их любовь была такова, их вера в Него была такова, что изменила Ее из жизни - осталась только существование, но жизни не было бы только существование, но жизни не было бы только существование.

И это соединение наше со Христом, это наше единение с Ним - каждого из нас, как члена тела по отношению к самому телу (это опять-таки образ апостола Павла) так тесно и так глубоко, что все, что о Нем можно сказать, можно сказать и о нас? Любовь, любовь... И мы знаем, что это возможно. Мы говорим о смерти и жизни. Если мы кого-нибудь любим большой, крепкой, простой человеческой любовью, то его жизнь делается нашей жизнью; что с ним случается - для нас важнее, чем то, что случается с нами; он или она - в центре нашей жизни. Так было с апостолами по отношению ко Христу: постепенно, через любовь, через веру Он стал для них самой Жизнью, потому что их любовь была такова, их вера в Него была такова, что изменила Ее из жизни - осталась только существование, но жизни не было бы только существование, но жизни не было бы только существование.

И это соединение наше со Христом, это наше единение с Ним - каждого из нас, как члена тела по отношению к самому телу (это опять-таки образ апостола Павла) так тесно и так глубоко, что все, что о Нем можно сказать, можно сказать и о нас? Любовь, любовь... И мы знаем, что это возможно. Мы говорим о смерти и жизни. Если мы кого-нибудь любим большой, крепкой, простой человеческой любовью, то его жизнь делается нашей жизнью; что с ним случается - для нас важнее, чем то, что случается с нами; он или она - в центре нашей жизни. Так было с апостолами по отношению ко Христу: постепенно, через любовь, через веру Он стал для них самой Жизнью, потому что их любовь была такова, их вера в Него была такова, что изменила ЕЕ из жизни - осталась только существование, но жизни не было бы только существование, но жизни не было бы только существование.

И это соединение наше со Христом, это наше единение с Ним - каждого из нас, как члена тела по отношению к самому телу (это опять-таки образ апостола Павла) так тесно и так глубоко, что все, что о Нем можно сказать, можно сказать и о нас? Любовь, любовь... И мы знаем, что это возможно. Мы говорим о смерти и жизни. Если мы кого-нибудь любим большой, крепкой, простой человеческой любовью, то его жизнь делается нашей жизнью; что с ним случается - для нас важнее, чем то, что случается с нами; он или она - в центре нашей жизни. Так было с апостолами по отношению ко Христу: постепенно, через любовь, через веру Он стал для них самой Жизнью, потому что их любовь была такова, их вера в Него была такова, что изменила ЕЕ из жизни - осталась только существование, но жизни не было бы только существование, но жизни не было бы только существование.

И это соединение наше со Христом, это наше единение с Ним - каждого из нас, как члена тела по отношению к самому телу (это опять-таки образ апостола Павла) так тесно и так глубоко, что все, что о Нем можно сказать, можно сказать и о нас? Любовь, любовь... И мы знаем, что это возможно. Мы говорим о смерти и жизни. Если мы кого-нибудь любим большой, крепкой, простой человеческой любовью, то его жизнь делается нашей жизнью; что с ним случается - для нас важнее, чем то, что случается с нами; он или она - в центре нашей жизни. Так было с апостолами по отношению ко Христу: постепенно, через любовь, через веру Он стал для них самой Жизнью, потому что их любовь была такова, их вера в Него была такова, что изменила ЕЕ из жизни - осталась только существование, но жизни не было бы только существование, но жизни не было бы только существование.

И это соединение наше со Христом, это наше единение с Ним - каждого из нас, как члена тела по отношению к самому телу (это опять-таки образ апостола Павла) так тесно и так глубоко, что все, что о Нем можно сказать, можно сказать и о нас? Любовь, любовь... И мы знаем, что это возможно. Мы говорим о смерти и жизни. Если мы кого-нибудь любим большой, крепкой, простой человеческой любовью, то его жизнь делается нашей жизнью; что с ним случается - для нас важнее, чем то, что случается с нами; он или она - в центре нашей жизни. Так было с апостолами по отношению ко Христу: постепенно, через любовь, через веру Он стал для них самой Жизнью, потому что их любовь была такова, их вера в Него была такова, что изменила ЕЕ из жизни - осталась только существование, но жизни не было бы только существование, но жизни не было бы только существование.

И это соединение наше со Христом, это наше единение с Ним - каждого из нас, как члена тела по отношению к самому телу (это опять-таки образ апостола Павла) так тесно и так глубоко, что все, что о Нем можно сказать, можно сказать и о нас? Любовь, любовь... И мы знаем, что это возможно. Мы говорим о смерти и жизни. Если мы кого-нибудь любим большой, крепкой, простой человеческой любовью, то его жизнь делается нашей жизнью; что с ним случается - для нас важнее, чем то, что случается с нами; он или она - в центре нашей жизни. Так было с апостолами по отношению ко Христу: постепенно, через любовь, через веру Он стал для них самой Жизнью, потому что их любовь была такова, их вера в Него была такова, что изменила ЕЕ из жизни